

УДК 316.347:297.17(57)

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ МУСУЛЬМАН АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

А. П. Ярков

Умма Азиатской части России в ходе своего развития всегда представляла собой неравновесную систему. Она состояла и состоит из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений). Каждая из них в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы и влияет на идентификацию всех своих членов.

Ключевые слова: умма Азиатской части России, система, идентичность, время и обстоятельства.

ESPEIALLY THE MUSLIM IDENTITY OF ASIATIC RUSSIA

A. P. Yarkov

Umma Asiatic Russia during its development has always been a neravnovesnuju system. It was and is composed of members (individuals and communities, the relationships between them and the environment Wednesday, conservative or progressive beliefs and views). Each of them in the process of kulturotvorenija contributes to the characteristics of this system and affects the identity of all its members.

Keywords: Umma Asiatic Russia, system, identity, time and circumstances.

Идентификация жителя Азиатской части России всегда была различна: на уровне его гражданства (если фиксировалась), внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны. Один из маркеров идентичности – религиозные верования. Первыми осознали себя мусульманами правители, чьи имена свидетельствуют о закрепившихся традициях. Известно, что хан Шибан позиционировал себя наместником Аллаха, который возглавляет «истинных мусульман», охраняет ислам во всей чистоте, а также уничтожает еретиков и отступников. Именно он присвоил титул имам уз-заман ва халифат-ур-Рахман – имам эпохи и халифа милосердного, что также могло стать причиной включения

этого образа в предания сибиряков, проживавших на периферии мусульманского мира.

В период правления Сайид Ибрахима государство укрепилось. Сообщения источников о роли в нем ислама фрагментарны, но показательно, что в грамоте Сайид Ибрахима московскому правителю отмечено: «Яз – бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [Посольская, 1984, с. 18]. Упоминание «царства бесерменского в Сибири» – не свидетельство массовой принадлежности к исламу: край оставался пестрым в этноконфессиональном отношении.

В постепенном утверждении в массах религии много связано с текстами сачара как «законно подтверждающих» их идентичности. О закреплении традиций как «своих» говорят похоронные обряды (например, Ермак погребен отдельно как иноверец). Противопоставление очерчивало границы религиозной общности. Однако жесткого конструирования образа «другого» как врага по отношению к «язычникам» не могло быть в среде сибирских мусульман: у них сохранялся не только культ предков, но и элементы прежних верований, образуя синтетический образ. Так, Сейфи Челеби говорил о Кучуме как стороннике ханафитской ветви суннизма: «он мусульманин, принадлежащий к вероисповеданию Имама Азама» [Султанов, 2005, с. 261], в русских летописях встречаются неоднократные упоминания о Кучуме как «бесурманском сибирском царе» [Летописи... , 1991, с. 22]. Для значительной части сибирских тюрков этнокультурная идентичность стала с того времени совпадать с исламской, в том числе с помощью преданий о шейхах и астана.

Вхождение сибирских земель в состав Российского государства, с одной стороны, привело к консолидации местной уммы и осознанию себя «муслим», с другой – «некрепких в вере» вернуло к «язычеству» предков или привело в христианство.

В России всегда усложнялась схема межличностных отношений на социальной и этноконфессиональной основе: казахи именовали всех служилых бухара; в ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. указывалось: «...бухарцы и татары называют русских людей орус, а себя называют мусельмане» [Трофимова, 2007, с. 209–210]. Эуштинцев в 1770-е гг. характеризовали как «добрых мусульман», а многие телеуты и чаты еще оставались «язычниками» [Фальк, 1824, с. 545–546].

Негативная реакция на информацию, например, о мусульманском «фанатизме» формировала стереотипы. Это углубило социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и коренным населением Сибири, типизировавшимся с помощью терминов «азиат», «мусульманин», «татарин», попадающих в обобщенно-политическую категорию «зла».

Система управления окраинами страны строилась на идентичности, отраженной в переписи 1897 г. Тогда иные из мусульман были напуганы известием о переписи, собираясь в мечетях и резиденциях у мулл. Некоторые из более ра-

зумных инородцев приезжали в Тару для разъяснений. В результате переписи все же удалось установить, что в Амурской, Забайкальской, Енисейской, Иркутской, Приморской, Тобольской, Томской, Якутской губерниях и областях проживало 170 875 мусульман.

Рубеж XIX и XX вв. продемонстрировал изменение идентичности. Иногда это делило этнос: если в Среднем Приобье одни помнили о происхождении от башкирских/уфимских татар (называя себя не только усредненно: татар-башкурт, но и определенно – мусульмане), то западные и южные манси исчезли, ассимилированные татарами и русскими, соответственно становясь мусульманами или православными.

Идентичность по религиозному признаку на фоне неформившегося этнического (тугумная принадлежность важнее) – всего лишь «ответ» на «вызов» эпохи: миссионерского давления РПЦ и русификаторского – со стороны правительства.

Значимо укрепление идеи самоорганизации, а традиционной формой ее проявления стали НКА тюрко-татар и съезды: всесибирские, областные, уездные, волостные и т. д., названные «мусульманскими».

Большинство мусульман не отделялось от «инородцев», откликаясь на инициативы. Так, от имени делегатов-инородцев Томского губернского народного собрания (проходил в апреле – мае 1917 г.) телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов подписал казах Кынев, а съезд представителей инородческих волостей Алтая в июле 1917 г. приветствовал представитель Благотворительного общества З. Т. Габдулхаков.

В советские годы продолжилось административное переустройство Сибири и Дальнего Востока, связанное со стремлением «огосударствить этничность». Татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границе республик, оказались «разорванными», но это не было болезненным. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные сибиряки определяли себя согласно тугумным наименованиям, а лишь затем – татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но, в представлении верующих, «всегда мусульмане». Поэтому у многих процесс административно-территориального размежевания не вызвал реакции, какая наблюдалась в других регионах СССР после «топорного разделения».

Поскольку религия не только для царской власти нередко выступала критерием этнической и языковой идентичности, то и в первые годы советской власти это отражалось в наименованиях (например, Тобольский мусульманский детский дом). В немногочисленных мусульманских ячейках РКП(б) и РКСМ еще только шло формирование советских кадров управленцев. В последующий период было решено «покончить» с внешней религиозностью, но с внутренней обстояло сложнее (опрос учащихся в школах показал: число верующих колебалось от 28 до 80 %). Вера уходила в приватную сферу, институализировалась в этике, капсуализировалась в традициях и самосознании [Ярков, 2012, с. 146].

Возрождение в 1990-е гг. проходило неоднозначно. Большинство мусуль-

ман настораживала информация о приобщении молодежи к социально опасным идеям, а то и вовлечение в незаконные вооруженные формирования, агитация за выезд в «горячие точки» для борьбы с кафирами, к которым причисляли и тех, кто поддерживал светское устройство государства. Специфично положение с самосознанием у «русских мусульман», поскольку в эту группу включены те, чьи предки ислам не исповедовали. Нередко ислам воспринимался как неразрывная (обязательная) идентичность: «если татарин/азербайджанец – значит, мусульманин». На этом фоне показательно, что в советских переписях 1920-х гг. нагайбаки фиксировались отдельно, но с 1930-х гг. их записывали татарами. Тем не менее к религии далеких предков, за редким исключением, они не вернулись.

Все советские годы мусульманки через одежду и особо повязанный платок могли «говорить» о своей принадлежности, мужчины надевали головной убор только в ритуальных случаях. А вот борода укрепляла их повседневную самоидентификацию. На идее возрождения идентичности основывались те, кто пытался при введении в школах раздела «Духовно-нравственное воспитание» апеллировать к родителям при выборе курса «Основы мусульманской культуры», «Основы православной культуры». Показательно, что в 2010 г. в Тюменской области 60,8 % опрошенных татар считали себя мусульманами, но большинство не отличали религиозных праздников от остальных (семейных, календарных и др.).

Анализируя совокупность многих факторов и явлений, оказавших влияние в течение длительного времени на умму суперрегиона, можно сделать вывод, что эта умма представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

1. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М. : Наука, 1984. 435 с.

2. Летописи сибирские. Новосибирск : Наука, 1991. 234 с.

3. Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюрколог. сб. 2003–2004. М. : Вост. лит., 2005.

4. Трофимова О. В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 80-летию акад. Д. Г. Тумашевой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. С. 207–212.

5. Фальк И. П. Записки путешествия академика И. П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемой Академией наук. Т. 6. СПб., 1824.

6. Ярков А. П. Сибирский ислам как фактор региональной политики // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 142–149.